ИЮЛЬ 2020
No 21 (2926) | ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ вести

НАВСТРЕЧУ СВОЕЙ СУДЬБЕ

Конкурс художественного перевода с языков Северной Европы для студентов проводится в Герценовском университете вот уже пятый раз. Он преследует просветительские и обучающие цели. Для организаторов, среди которых сотрудники кафедры языков Северной Европы института иностранных языков, важно продвижение идеи значимости художественного перевода как «культурного посредничества», популяризация классического наследия и знакомство с современными тенденциями в литературе Северной Европы, укрепление связей внутри сети взаимодействия вузов, где преподаются языки Северной Европы. Конкурс содействует получению новых профессиональных навыков и повышению мотивации для изучения языков и способствует профессиональной ориентации, знакомству с издательствами, правилами переводческой деятельности, понятием авторских прав.

В этом молодёжном конкурсе могут принимать участие студенты вузов, изучающие языки стран Северной Европы из России и русскоязычного зарубежья. По доброй традиции в этом году для перевода были предложены поэтические и прозаические художественные тексты на норвежском, датском, нидерландском, шведском и финском языках. Отличительной чертой этого года стала информационная поддержка общества содействия распространению финской литературы FILI из Хельсинки, которое предложило тексты для конкурсантов на финском языке. Жюри конкурса расширяется с каждым годом, в него входят профессиональные литературные переводчики и преподаватели языков и перевода из Санкт-Петербурга и Москвы, переводчики из Хельсинки. В конкурсе приняло участие 72 человека из 7 вузов Петрозаводска, Москвы и Санкт-Петербурга.

В этом году в гостеприимных залах Фундаментальной библиотеки им. императрицы Марии Федоровны прошел мастер-класс для конкурсантов с маститыми и молодыми переводчиками и заключительная встреча с членами жюри, на которой представители дипломатического корпуса в Санкт-Петербурге вручили призы и дипломы победителям, а все участники услышали от членов жюри подробные комментарии конкурсных переводов и рекомендации.

Результаты V конкурса оказались достаточно неожиданными, в некоторых номинациях вообще не оказалось текстов, достойных первого места, зато в одной номинации оказалось сразу два удачных варианта, заслуживших диплом I степени.

Таким образом, вниманию читателей предлагаются переводы классиков и более современных авторов из Северной Европы, получившие призы и дипломы первой степени на конкурсе. При всём различии представленных культур и исторических эпох все представленные для публикации произведения охвачены единой, глубоко гуманистической идеей поиска места человека на земле, его беззащитности и хрупкости мира, который нуждается во всеобщем бережном, внимательном отношении.

ДАНИЯ

ЙЕНС БЛЕНДСТРУП «ИСПОВЕДЬ БОГА»

I место Дарья Епанчинцева, *СПбГУ*

Роман Йенса Блендструпа (1968), отрывок из которого был предложен для перевода изучающим датский язык, является одним из самых известных автобиографических произведений писателя, написанным в 2004 г. С грустью и присущей датскому менталитету иронией он повествует о семейных взаимоотношениях, о зависимости маленького человека от взрослых, о мире детства, где центр мироздания помещён в небольшой датский дом с садом, а отец играет роль Бога, творя божественный произвол в жизни своих близких.

НИДЕРЛАНДЫ

ХЕНДРИК МАРСМАН «ПЕЙЗАЖ»

I место Векшина Екатерина, *СПбГУ*

Хендрик Марсман (1999 – 1940) – нидерландский поэт, экспрессионист, один из важнейших авторов Нидерландов межвоенного периода, трагически погибший во время войны при эвакуации по морю из Голландии в Британию.

Стихотворение 1938 г. «Пейзаж» относится к последнему этапу творчества поэта и отражает его увлечение классической культурой, поиски Бога и гармонии. Описание природы охвачено единым ритмом, где птицы и животные становятся одним целым с окружающим их миром.

ФИНЛЯНДИЯ

ТАЙНА ЛАТВАЛА «ПОСЛЕДНЕЕ ЛЕТО»

I место поделили ***Линда Халимова***, *СПбГУ* и ***Екатерина Лазарева***, *МГЛУ*

Тайна Латвала (1982) – самый молодой из представленных среди переводов автор, её литературный дебют состоялся в 2007 году. У читателей есть уникальная возможность сравнить два варианта перевода конкурсного текста «Последнее лето». При этом становится очевидным, как сильно общее впечатление зависит от голоса переводчика. Это глава из произведения писательницы 2016 г., которое состоит из разрозненных эпизодов, объединённых одним персонажем. Фрагменты жизни действующих лиц постепенно складываются в единый рисунок. На перекрёстке прошлого и будущего, благодаря присутствию всеведущего рассказчика, мы наблюдаем за молодыми людьми, идущими навстречу своей судьбе.

ДАНИЯ

ЙОХАННЕС ВИЛЬХЕЛЬМ ЙЕНСЕН «ЗА ОБЕДОМ»

I место Мария Осипенкова, *СПбГУ*

Стихотворное задание по датскому языку конкурсантам попалось очень сложное. Речь идёт о фрагменте большого стихотворения в прозе экспрессионистического периода нобелевского лауреата Йоханнеса В. Йенсена (1873-1950). Русскому читателю он знаком по переводам эпопеи «Долгий путь» и роману «Падение короля». Конкурсный текст пышет каждой жизни, чувственной энергией. Стихотворение «За обедом» (1906) помещает лирического героя в кафе с типичным датским меню, где он вкушает знаменитые датские бутерброды и пьёт водку и пиво. Исследователи творчества писателя не сходятся во мнении, какое кафе описывает автор, возможно, в Осло или Копенгагене. Очевидно одно, из этих простых радостей автор слагает гимн жизни, Дании и вселенной.

ШВЕЦИЯ

ПЕР ЛАГЕРКВИСТ «СМЕРКАЕТСЯ. КРАСИВЕЙ ЧАСА НЕТ»

I место Ксения Чергинцева, *МГУ*

В качестве конкурсного текста на шведском языке участники переводили стихотворение одного из самых знаменитых авторов-экзистенциалистов XX века, нобелевского лауреата по литературе Пера Лагерквиста (1891-1974). В этом стихотворении, как и на протяжении всего своего творчества в поэзии и прозе, Лагерквист поднимает кардинальные вопросы существования, вопросы сотворения мира и бесприютности, мимолётности и одиночества человека, вышедшего из лона природы и готового вновь раствориться и исчезнуть в ней.

НИДЕРЛАНДЫ

СИМОН КАРМИГГЕЛТ «ГУСЕНИЦЫ»

I место Векшина Екатерина, *кафедра скандинавской и нидерландской филологии СПбГУ*

Симон Кармиггелт (1913–1987) относится к поколению нидерландских авторов, перенёсших войну, чьё мировоззрение и стиль сформировались в годы военных испытаний и лишений. Он, как и многие его современники, начал писательскую карьеру с журналистики, вся страна зачитывалась его колонками в Het Parool, газете, которая начала свою деятельность в подполье, во время фашистской оккупации.

Новелла из сборника 1950 г., которую переводили конкурсанты, представляет одно из первых произведений автора о детстве. Она характерна по композиции, ироничному стилю, форме рассказа от первого лица и противопоставлению мира детей миру взрослых для нового жанра короткого рассказа в послевоенной Европе, подхваченного в дальнейшем другими нидерландскими авторами.

ФИНЛЯНДИЯ

ЛЕЕНА КРУН «ЗАБЫВАШКИ»

I место Акташева Елена, *МГЛУ (Московский государственный лингвистический университет)*

Леена Крун (1947) – одина из самых известных современных финских авторов, которая пишет как литературу для детей, так и реалистические произведения для взрослых и научную фантастику, предпочитает работать в жанре короткого романа. В предложенном переводе читатель может познакомиться с отрывком из романа 2018 г. «Забывашки». Роман состоит из 13 историй, объединённых вокруг идеи взаимосвязи вещей и людей, поиска смысла и культурной археологии, он сложен для переводчика своим аллегорическим языком и глубоким философским подтекстом, который скрывается за, казалось бы, незначительными повседневными событиями. Для читателя из стремительного современного мира интересно познакомиться с типично финской мифологизацией и поэтизацией обыденности.

АНАСТАСИЯ ЛОМАГИНА,
доцент кафедры языков Северной Европы института иностранных языков РГПУ им. А. И. Герцена

С. Кармиггелт

ГУСЕНИЦЫ

Уже два дня мой сынишка занимается тем, что собирает гусениц. По сравнению с его предыдущим хобби, это, несомненно, большой шаг вперёд. Потому что на прошлой неделе он подбирал с земли окурки, ведь в его распоряжении имелась замечательная коробочка, в которую их можно было складывать.

— Папа, смотри, это — Андре, а это — малыш Юкки.

Не успел я проснуться, как прямо перед моим носом оказалась его ручонка, на которой красовались две гусеницы: одна толстая, а вторая тонкая — по всей видимости, папа с сыном.

— Они такие красивые, — пролепетал он. — Но гладить их нельзя. А то они умрут.

— Ага, — зевнул я в ответ, — отпусти их, пускай дальше гуляют.

Но сначала мне пришлось внимательно рассмотреть, какая же у Андре красивая спинка, и, разумеется, он сразу же решил нырнуть вместе со своим малышом прямо ко мне в постель.

А я не очень-то люблю, когда у меня по кровати ползают гусеницы. Я выпрямился и уже хотел вставать, как мой сынишка закричал:

— Не двигайся! Ты же их раздавишь.

Я был вынужден вернуться на исходную, потому что отцовство требует жертв. Мне было щекотно, я чувствовал, что у меня по ноге что-то ползёт, но сынишка не сдавался: взъерошив всю постель, он всё-таки отыскал маленьких беглецов и вернул их к себе на руку.

— Хорошие, да? — он остановился в дверях. — А скоро они превратятся в птичек.

Ну не может же он знать всё на свете.

* * *

Х. Марсман

ПЕЙЗАЖ

Пасётся в поле
мирно скотина;
цапли кружат
над гладью озёрной,
тянутся выпи
у тёмной воды,
а возле разлива
скачут кони игриво:
их волнуется грива
среди волн травы.

* * *

Йенс Блендструп

ИСПОВЕДЬ БОГА (ДВА ФРАГМЕНТА)

Бог сидит в доме своего отца в Престё. Ужин. Они уже добрались до десерта – киселя из Скельскёра. Между отцом и сыном чувствуется явное напряжение. Всё из-за того, что Бог вместе со старым школьным товарищем был в кабаке, где они напились допьяна, и этим опозорили имя деда. Дед служил бургомистром в Престё с 1962 по 1965, и его гордость, к огромному сожалению Бога, не позволила ему назвать улицы в свою честь. Отец с сыном разные. Очень разные. «Уффе, тебе 50 лет, ты не можешь приходить домой в таком состоянии. Это уже ни в какие ворота — взобраться на статую Свена Поульсена!» И Уффе извиняется, потому что он чувствует себя просто отвратительно. «Да, отец. Может, отцу хочется еще черносливу?» Всё это выглядит странно для тех, кому Бог известен в качестве Бога – самого старшего и первого в мире. Но видеть его таким в то же время несколько приятно, ведь в присутствии властного деда Бог не может позволить себе повысить голос на двух младших сыновей, если они принимаются чавкать, или не закрывают рта, когда жуют, или задают однообразные вопросы о его мотоцикле. Бог вынужден только улыбаться и сжимать под столом кулаки. Встать он тоже не может. В доме бургомистра Блендструпа так не поступают. По крайней мере, не когда чувствуешь себя так же отвратительно, как Бог после вчерашней гулянки с Гьедде. Даже Герд Лиллиан умиротворена. У неё всегда пропадает тик, когда она в гостях у свёкра. Здесь она ощущает себя маленькой шведкой, приехавшей в Данию. Она считает, что Бога красит его благородство. В обществе своего отца он кажется таким молодым и неуверенным. Дед же похож на старого сыча, ему уже под 90; его лицо всегда непроницаемо, и он носит круглые тёмные очки с толстыми стеклами. А еще обязательно чёрный пиджак, подтяжки и шляпу. Встреча этих двух патриархов подобна пылающему огню, в котором рождается кратковременный покой. И сыновьям это нравится. Герд Лиллиан – тоже.

Бог в отличном настроении; он стоит в своем саду в ранний утренний час, наблюдая за растущей из земли розой. В это время дня мир вокруг свеж и прекрасен. И Бог видит, как все вокруг растёт с невероятной скоростью. Как лиственница метр за метром становится выше, как трава с трудолюбием муравья тянется к небу. И он в по-настоящему хорошем расположении духа. Он сидит на скамеечке перед виллой с пепельницей и упаковкой сигарет King's, зная, что все спят, за исключением него самого. Ну и ещё почтмейстерши из дома напротив. Бог любит пофантазировать о почтмейстерше. Или попмейшстерше, как он её про себя называет. По его словам, она выходит на дорогу в прозрачной ночной рубашке и принимает разные эротические позы. Но он не поддаётся соблазну, ведь он видел ее мужа – усталого почтальона. «Почтмейстерша, – думает он, – искусительница и душегубка». Но поглядеть на нее очень даже можно. Не каждый же день устанавливается контакт между богами и почтмейстершами.

Йоханнес В. Йенсен

ЗА ОБЕДОМ

Да благословенно буди кафе!
Боже, храни бархатный уголок дивана!
Гляжу на кельнера – так мил он мне;
Гладко я выбрит, сижу у окна,
Ногами своими тянусь к стола ножкам,
В себя вбираю хлористый запах
Целомудренно-белой скатерти.
Кружку пива несите!
Я сложу песнь о янтарном злате Пива из Бочки,
Оно льда холодней и от газа шипуче.
Силы небесные, как нуждается в нем мое пересохшее горло!
В одном глотке я тону...
А как же я жаждал – вчера ли то было?
И как славно теперь!
Вот стоят предо мной четыре цветущих бутерброда.
Сперва принимаюсь за тот,
Что с яйцом и селедкой.
О упоительный сернистый дух
Пахнущих йодом лесов
Дна морского!
Следом впиваюсь я в нежный
И безупречный кусочек мяса, лежащий на хлебе.
Вкус его так глубок, что я замираю.
Новый предмет наслажденья –
Нежно-овечий букет мясного рулета
С его хитроумным переплетением
Неведомой каплющей маслом машины.
Наконец, сыр смыкает в сердце моем
Бурлящую страсть с гнилостью тленной.
Но вот я склоняюсь ко шнапсу,
Который налил из запотевшей бутыли.
Глядите, как он звонко смеется,
Сверкает, играет, точно громадный
Живой бриллиант!
О злаковый нектар, в тебе вся Дания!
Счастливый, жду я самого большого наслажденья.
Как хорошо! За окнами плывут себе
Бесчисленные шляпы.
Я к выводу пришёл, что жизнь и вся Вселенная
Идут прекрасно.
За них!
Ура!

Пер Лагерквист

Смеркается. Красивей часа нет –
И, нежность неба позднего вбирая,
Плывет над краем сумеречный свет
Скользя к земле
И крыши укрывая.

На всём лежит тень любящей руки:
Создатель сам стирает дальний берег,
И близкие пределы далеки,
И всё, что есть,
Дано нам лишь на время.

Всё скоро будет взято у меня,
Всё, что доселе было мне заветным:
Деревья, облака, земля – где я
Пойду бродить
И растворюсь бесследно.

Леена Крун

ЗАБЫВАШКИ

Одни помнят лица людей, но забывают их имена. Другие помнят имена людей, но забывают их лица. Я же забываю и то, и другое. Не то чтобы у меня была плохая память. Скорее я размышляю о другом. Например, об окаменелых следах динозавров или о свете Сатурна.

На уроке профориентации нас спросили, чем мы хотим заниматься, когда будем взрослыми. Многие тогда отвечали: «Главное, чтобы можно было взаимодействовать с людьми». Я не знала, чего хочу, зато знала, чего точно не хочу: «Главное, чтобы можно было не взаимодействовать».

Однако все обернулось, не так, как я думала, и теперь я здесь, в городском бюро находок, которое я называю «Пропажа». Присмотр за потерянными вещами — это в конечном счете работа для обслуживающего персонала, и вряд ли она может стать чьим-то призванием. В эту тихую контору и привел меня мой жизненный путь, что оказалось в определенной степенью логичным, если не неизбежным. Я провела столько дней в «Пропаже», что из них можно сложить целую жизнь.

Вчерашняя вечеринка, последняя этим летом, завалила улицы и аллеи парка мусором. Уже пожелтевшие газоны и пыльные тротуары теперь покрыты слоем бумажек, испачканных жиром и кетчупом, бутылками из-под содовой и смятыми пивными банками, коробками из-под пиццы и сигаретными окурками. Лично мне такое зрелище не нравится. Не могу я понять, почему люди не могут подобрать пустые пакеты: полные-то они носят. В такие вечера, как вчерашний, горожане чаще обычного забывают свои вещи в парках на скамейках и под скамейками, в трамваях, на станциях метро и на столиках кафе.

Я называю таких людей забывашками, и их забывчивостью я зарабатываю себе на жизнь. Когда кто-то берет на себя труд принести потерянную вещь в мой офис, я вношу ее в реестр, и она становится найденной вещью. Не все заходят в бюро для того, чтобы принести забытую вещь. В стене «Пропажи» есть отверстие, куда за ночь и утро люди уже успели побросать предметы, оставленные многочисленными гуляками. Все полученные находки я складываю в коробку. Потом я сортирую их по разным полкам и отсекам. Сейчас в коробке ровно четырнадцать предметов: ключ, зонтик, серьга, пустая коробочка, поводок, наручные часы, бумажник, телефон, кофейная ложка, игра, пуант, змеиная кожа, карандаш и ножницы золотого цвета.

Говорят, вещи неодушевленные. Я так не думаю. Я верю, что всё живет, но только по-разному. У всего есть своя жизнь и судьба, и поэтому к вещам следует относиться бережно. Конечно, вещь не дышит, не двигается и не растет. У нее нет метаболизма. Однако она получает информацию, сохраняет ее и транслирует ее вокруг себя. У вещи также есть свои предпочтения и своя воля. Ей может нравиться её владелец или нет. Во втором случае вещь падает и разбивается, лампа мерцает, а техника ломается.

Я спрошу вас: «Что такое органическое и неорганическое?» Те элементы, которые входят в состав живого, есть и в том, что называют неодушевленным. Кроме того, вещество и идея не являются противоположностями, ведь каждая вещь сначала была идей и образом. Поэтому идея, ни в коем случае не является просто идеей, а стрелой, оружием, орудием труда, в общем, первым и самым важным инструментом.

Когда я смотрю на вещь, я вижу и ее одиночество, и ее связи с остальным миром. Вещь — это не просто материя. Даже самая простая и тривиальная вещь, производимая человеком, — это уже полноценное повествование, которое рассказывает о надеждах, нуждах и трудах человечества. Каждая вещь, сделанная человеком — от обуви до винтовок, от книг до транспортных средств — несет отпечаток его души. Как и объекты природы, найденные вещи рассказывают о законах, составляющих истории нашего мира.

Вещи — это окна, потому что, когда я смотрю на них, я вижу сквозь них. Вещи — это план, цель и разум, человеческий разум. Человек, не имеющий собственной цели, дает цель каждой своей вещи. Свои вещи и свой дом человек наполняет своей душой. Человек изменяет вещь, используя ее, но поймите же, что и вещь тоже использует, направляет и меняет вас самыми разными способами. Давайте возьмем, например, карандаш, который лежит у вас на рабочем столе. Такой же, как тот, который кто-то зазря принес ко мне в бюро: ведь никто не придет сюда, чтобы найти пропавший карандаш. Карандаш — это дешевая, незначительная, неинтересная вещь, верно? Вы думаете, что знаете все о нем, но это не так. Или же вы можете рассказать мне, откуда взялся его графит? Где росло то дерево, из которого он сделан?

Я вижу, что его кончик потерт. Я заметила, что вы уже использовали его. Что же вы написали? Кому? Нет, нет нужды говорить мне, это не мое дело. Возможно, это список покупок, который ваша супруга продиктовала вам или просто каракули по краю газеты во время долгого и бесполезного телефонного разговора... Другие не знают, да и вы забыли, но карандаш, конечно же, помнит.

Ваши пальцы пометили карандаш, которым вы писали, ложку, которой вы ели. Вы можете стереть отпечатки пальцев, но вещь не забудет вас. Вы оставили на ней неизгладимый след, вдохнули в нее жизнь, её поверхность запомнила ваше прикосновение.

Вещи — это наши поступки, ведь за всеми найденными вещами стоит человек, который ими владеет. Поэтому каждый раз, когда я беру в руки вещь, я представляю себе человека, потерявшего её или нашедшего, такого же, как и я. Только такой человек может искать окаменелые следы динозавров, только он может видеть свет Сатурна, и у него есть имя, лицо и совесть.

Тайна Латвала

ПОСЛЕДНЕЕ ЛЕТО

Они идут по нагретому солнцем асфальту, переплетя пальцы, словно в молитве. Июль пахнет лужайками и юными девушками, птицы поют о горестях, которых он и она ещё не знают.

Они родились в этом скромном городке в одном и том же году. Им по семнадцать, и их тени неслышно скользят впереди. Порой они не могут перестать разговаривать, но сейчас минуты молчаливо отсчитывают часы. Они так хорошо знают друг друга, что тишина совсем им не мешает.

У девушки стройные ноги и короткие светлые волосы. Она всегда говорит «нет» сладкому и часто выходит на пробежку. У юноши синие шорты и кофейного цвета глаза, на его подбородке еще даже нет щетины, и он никогда не видел девушку голой. На запястье у девушки поблёскивает бирюзовый браслет – папин подарок из Сингапура. Она часто – насколько возможно – сидит у отца под боком, целует в щеку, легонько тычет пальцем в такой знакомый нос. Отец много курит, у него большая сияющая машина, билеты на бесконечные рейсы во внутреннем кармане пиджака, и юноша не так хорошо его знает. Лишь однажды они вместе топили баню по-черному.

Девушка подстраивается под ритм шагов юноши. Они вместе уже 749 дней, пять часов и сорок две минуты, но знают друг друга намного дольше, еще с тех самых пор, как выросли из детских игр. В старших классах девушка стала собирать в шкатулку все, к чему прикасался юноша: золотистые монеты, пустую упаковку из-под конфет, волос, который они измеряли на уроке химии. Девушка написала имя юноши на своем пенале, и все над этим смеялись, и даже сам юноша немного. На немецком она сидела позади него и касалась ладонью его спины, чувствуя тепло кончиками пальцев. Юноша украдкой придвигался ближе и закрывал глаза.

Они идут на пляж, единственный в городе. Ветер сегодня отдыхает, так что воздух неподвижный, теплый. Солнце трудится без устали, хотя и воскресенье.

У юноши в рюкзаке два полотенца.

Это их последнее лето, последнее лето до. В августе девушка отправится в Англию путешествовать и вернется оттуда совсем не такой, как прежде. В пабе она поцелует Эдварда и во всем признается юноше.

На втором этаже красного автобуса она позвонит отцу и будет рыдать в трубку, не замечая ни Букингемского дворца, ни рекламных огней Трафальгарской площади. Отец скажет, что необязательно всегда все друг другу рассказывать.

Этого девушка еще не знает.

Она уже пообещала отправить юноше по открытке из каждого города, в котором окажется.

Всю дорогу юноша не отпускает ее руки. Они видят ленивых коров и поля, которыми обрамлено все их детство, полные жизни березы, полуразвалившийся сарай и пролетающую над головой ворону. В конце августа буря повалит деревья в садах, но разве они могут это предвидеть?

Они идут на пляж, как и все другие юноши и девушки; они будут лежать рядом на полотенцах и рисовать невидимые звезды на спинах друг друга.

Они верят, что такое лето никогда не кончается, что в их маленьком городке все останется навечно прежним, как и щеки девушки, и губы юноши. Они проходят заброшенные дома и утомленные изгороди, все столь знакомые им места. Вот на том перекрестке девушка рассказала, что у отца проблемы с сердцем, на той парковке они делили одно мороженое на двоих, та дорога ведет к Валоярви, где у девушки загородный домик. Именно там юноша узнал ее по-настоящему: сонливость в ее глазах по утру, ее лицо в сумрачной дымке сауны.

Юноша смотрит на девушку внимательнее. У нее большие темно-зеленые глаза.

«Я никогда в жизни не видел никого красивее тебя», – говорит он.

Девушка сжимает его ладонь и улыбается. Один передний зуб у нее не совсем ровный – это заметно при определенном освещении, и именно за это юноша так любит ее улыбку.

Они быстро идут по широкой дороге, которая кажется бесконечной, как и все другие дороги в этих краях. Они торопятся взрослеть, строить планы на будущее: весной оба окончат школу. Тогда будут веселые фотографии во дворе спорткомплекса, будут брызги шампанского на выпускных фуражках, будет счастье и бурление жизни. Юноша пойдет в армию, девушка – в университет, родные места прощально помашут убегающему вдаль поезду, пейзажи в окне станут суровее, родители останутся дожидаться. Юноша будет звонить девушке, сидя позади палатки, и шептать, как сильно скучает, они будут писать друг другу каждую неделю, военная форма сделает юношу серьезнее; девушка будет рассказывать, с кем сегодня обедала. Осенью юноша поступит учиться в тот же город, и они вместе переедут в квартиру, из окон которой будет видно церковь Каллио и желтеющие деревья. Там не будет ленивых коров и щекочущего нос сена, там будут свободное дыхание моря и звуки белого пианино в кафе.

Они пока не знают, что произойдет перед выпускным.

Теплое утро в начале лета, безоблачное синее небо. Они валяются в комнате юноши, еще не позавтракав, еще не готовые к новому дню. Девушка лежит на юноше, целует его шею спросонья, они уже совсем забыли об Эдварде – по крайней мере, стараются забыть, – смеются и потом даже не вспомнят, над чем. После они долго молчат, девушка – погрузившись в мысли, воскрешая в памяти родительскую комнату и молитву в рамке.

«Господь – Пастырь мой; я ни в чем не буду нуждаться».

Она вспоминает псалом – как же там дальше? – «Он покоит меня на злачных пажитях и водит меня к водам тихим. Подкрепляет душу мою; направляет меня на стези правды ради имени Своего».

Она повторяет его, сама не зная, зачем, пока не раздаётся звонок. Мать юноши радостно отвечает на него, но вскоре ее голос мрачнеет. Она трижды стучит в дверь, и девушка все понимает по ее лицу.

До больницы 25 километров. Юноша крепко сжимает руль – он только-только получил права, больше никто из них вести не в состоянии. Девушка слушает радио – позже она сможет вспомнить все прозвучавшие песни. Мать девушки тихо плачет на заднем сидении. Цветут яблони, светит солнце, безразличное к человеческим горестям. Юноша останавливается на заправке, девушка наблюдает за каждым его движением. Речка течет привычным путем, по пешеходному переходу бежит мужчина с пульсомером на запястье, мимо едет старушка на велосипеде.

Они въезжают в кипящий жизнью город, светофор загорается зеленым, показывается многоэтажная больница. Юноша паркуется между двумя Тойотами – желтой и красной, девушка запомнит и это, – и они вскарабкиваются на высокую гору. Пульс у девушки неестественно частый, как у воробушка, которого она в детстве нашла под ягодным кустом. И которого тоже не смогла спасти.

В больнице запах незнакомого мира, потрепанные пижамы и булочки в столовой. Девушка в инвалидной коляске улыбается, проезжая мимо, у нее за ухом припрятана сигарета. Медсестра провожает их в палату к отцу.

Девушка замедляется – она не может, не хочет идти.

«Ты пойдешь?» –спрашивает она юношу. Его щеки бледны, хотя на дворе и лето.

«Идите лучше вы вдвоем», – отвечает он и присаживается на стул, – «Я здесь подожду».

Они почти пришли, уже слышится радостный плеск волн и крики детей, прыгающих в воду с причала. Облака давно разошлись, день пахнет травой и дымом. У последнего перекрестка девушка вдруг останавливается и крепко обнимает юношу. Они долго молчат, стоя так на пустынной сельской дороге, словно прислушиваясь друг к другу. Девушку охватывает дрожь, шея юноши мокнет от ее слез. Он растерянно прижимает ее к себе, целует влажный от пота лоб и чувствует на губах соль и любовь.

Они долго стоят, не говоря ни слова, ощущая тепло соединенных рук.